

Амос
СОН РУСТАМА
рассказы

Ташкент
Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма
1986

Уз 2
А 95

4803010000—122
О ————— 123—86
М 352(04)—86

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1986

ДРУЗЬЯ МОИ, ПТИЦЫ

ХИТРЫЕ ВОРОНЫ

Стояли холодные дни поздней осени. Над почерневшими полями кружили стаи белобоких ворон. Взъерошив от холода перья, они громко каркали, предвещая скорый снег.

Шумной стаей вороны то летали над ореховой рощей, раскинувшейся вдоль большой дороги, то, разбившись на небольшие группы, перекрикивая друг друга, опускались на асфальт.

Их странное поведение заинтересовало меня. Я стал внимательно наблюдать за ними. И тогда я увидел вот что: в роще вороны собирали оставшиеся на деревьях орехи и с высоты бросали их на асфальт. Орехи раскалывались, а вороны с шумом и криком кидались на добычу, отнимая ее друг у друга.

Ох, и хитрые же эти вороны!

ГОРЛИЦА

Я заметил, что возле клетки с канарейками стала часто появляться горлица. То уносила кусочек яблока, то дольку апельсина. Иногда собирала пшено, рассыпавшееся вокруг.

Однажды я читал книгу и увидел, как горлица прилетела и снова устроилась возле клетки. Я стал наблюдать за ней. Горлица совершенно невозмутимо

клевала чужой корм и, наверное, в этот момент думала о том, как несправедливо устроен мир:

«Мне, птице-труженице, приходилось целыми днями искать себе пищу, спасаться от кошек и мальчишек. Особенно тяжело бывало, когда наступали холода. А канарейке все доставалось легко. Ее кормили и поили, а зимой переносили клетку в теплую комнату. И за что ей такое уважение?! Ведь сизое оперенье мое ничуть не хуже франтоватых перьев канарейки, а нежное воркованье лучше трели заморской птицы...»

«Ах, ленивая горлица! Нашла кому завидовать, невольнице, которая не умеет жить и летать на воле.

Ты можешь свободно летать, можешь сама добывать себе пищу... Так зачем же надеяться на готовое?!» — подумал я.

СЫЧ

Летом мы жили на даче. Черешня в это время уже кончалась, начинали поспевать ранние яблоки и урюк.

Оживленно и весело пели на деревьях птицы. Одни — учили летать своих птенцов, у других — птенцы только появлялись на свет.

Однажды вечером я заметил, что среди больших деревьев летала какая-то серая птица. Глаза ее светились бирюзовым светом. Испугавшись немного, я продолжал наблюдать за ней. Оказалось, что это был сич. Я так и не понял: жил ли он здесь круглый год или же прилетал только на лето. В народе существуют разные небылицы об этой птице. Суеверные люди думают, что сич — птица, приносящая несчастье: в доме, где она живет, обязательно будет горе. Днем сич прячется в тени густых веток. О том, что у нас в саду жила эта птица, я сообщил учителю. Он мне рассказал, что раньше сичей у нас водилось довольно много. В основном, они обитали там, где много крыс, мышей... Эта птица приносила много пользы человеку, истребляя различных грызунов.

Я поделился с бабушкой тем, что услышал об этой птице:

— Совсем замучили из-за небылиц сичей. Сейчас их осталось мало. Нельзя обижать, кидать в них камнями. И вообще, птиц нельзя пугать...

Однажды возле дома я косил клевер и случайно заметил какое-то существо. Подойдя ближе, я увидел маленького серенького сыча. Было огромное желание дотронуться до него, но он весь взъерошился, стал когтями царапать землю и чуть не клюнул меня в руку.

Крылья у сыча были маленькие. Я подумал, что он еще не может летать. Увидев кровь на крыле, я вздрог-

нул: «Наверное, он нечаянно упал из гнезда». Я осторожно принес птицу домой. Не торопясь, обработал рану йодом. Сыч дрожал, бился в моих руках, хотел вырваться.

— Эх, глупая птица!— приговаривал я.— Потерпи немного. Я же хочу помочь тебе, а ты не понимаешь.

Я поместил сыча в клетку, налил в банку воды, положил несколько кусочков мяса, насыпал пшена. А сам ушел косить клевер.

Вскоре я вернулся проведать сыча. Он неподвижно сидел в клетке и даже не притронулся к пище. Мне опять пришлось отправиться по своим делам.

Вечером сыч стал беспокойно метаться по клетке. Я подумал, что у него болит крыло.

Когда мама с папой вернулись домой, взяв из детского сада братишку, я рассказал им, как нашел раненого сычонка.

Папа сказал:

— Ты напрасно взял его... Эти птицы ничего не берут из рук. Как бы птенец не погиб от голода. Теперь его мать будет искать. Отнеси-ка его лучше обратно на место, откуда принес.

— Но ведь уже поздно и темно,— расстроился я.

— Вот и хорошо, сыч плохо видит днем, а ночью — наоборот, хорошо.

На улице было прохладно. И мне было жалко птенца и не хотелось выносить его в сад. Я искал любой предлог, чтобы оставить птицу дома, в тепле.

— А соседская кошка не съест его случайно,— пришлось привести мне последний довод.

Отец промолчал.

Ночью я проснулся от тревожного крика: «у... у... у...»

Голос раздавался совсем близко, из сада.

«Теперь птица может еще сильнее заболеть от тоски по матери... Вдруг она умрет?!» — подумал я с тревогой.

Я тихонько встал, вошел в соседнюю комнату, где находился птенец. Включил свет и, к великому своему огорчению, обнаружил, что сыча в клетке нет. Пища стояла нетронутой. А сыч сидел у двери. Мне хотелось его поймать, но он не давался в руки. И все-таки мне

удалось поймать его. Я вышел в сад, птенец вострепнулся в моих руках. Ему хотелось на волю. Оставив его в саду на ветке яблони, я ушел домой. Но уснуть никак не мог. Опять слышался голос: «у... у... у...» И совсем близко раздавался тоненький голосок: «и... и... и...»

Утром мама с досадой спросила:

— Кто ночью заходил в комнату и оставил включенным свет?

— Это я был в комнате,— сознался я.

— Хотя ты ночью и не спишь спокойно, а сыча своего прокараулил,— сказала она.— Нет его!

— Я тоже его везде искал, но не нашел,— вмешался в разговор братишка.

— Наверное, птица нашла птенца своего и взяла с собой,— предположил папа, спокойно попивая чай за столом.

Я думал о птенце, меня мучила совесть. «Интересно, поправился он или нет?»— переживал я весь день.

Вечером мы с братишкой гуляли по саду. Вдруг он толкнул меня в бок и сказал:

— Смотри, смотри, вон там не твой ли птенец?

На густых ветках сидело несколько маленьких сычей. Мне показалось, что птенцы смотрят на нас. Глаза их горели, как маленькие фонарики. А большекрылые взрослые сычи летали по саду.

Как мы обрадовались с братишкой!

— Птенец нашелся, птенец!— кричали мы. Словно радуясь вместе с нами, маленькие сычи стали слетать вниз и кружиться над зеленой травой.

БОЛЬНАЯ ПЕРЕПЕЛКА

Есть у меня друг Закир. Его дядя — птицелов. Особенно он любил ловить перепелок на клеверном поле.

Однажды дядя подарил Закиру перепелку.

— Это певчая перепелка, — сказал он. — Береги певунью и ухаживай за ней.

Закир посадил птицу в клетку.

Прошло несколько дней, а перепелка так и не подошла к кормушке. Огорченный Закир пришел ко мне за советом. Я дал ему корм. Но на следующий день Закир опять прибежал ко мне.

— Моя перепелка совсем не ест, — сказал он. — Свалилась на бок и лежит.

Я решил, что птица заболела. Но, осмотрев ее, понял, что с ней ничего серьезного не произошло, что она здорова.

— Знаешь, Закир, перепелка, наверное, объявила голодовку, — сказал я. — Давай-ка, отнесем ее в поле, туда, где поймал ее твой дядя, выпустим и посмотрим, как она поведет себя.

Закир согласился. Что поделать? Ведь перепелка совсем уже слегла. Мы положили ее возле густого клевера, а сами отошли в сторону и стали незаметно наблюдать за ней.

Вначале перепелка лежала неподвижно. Видно, она не сразу поверила, что находится на воле. Но потом она осмотрелась по сторонам и, резко взлетев, спряталась в клевере.

— Батыр, а она не умрет, — забеспокоился Закир. — С ней ничего не случится?

— Нет, теперь с ней ничего не случится, — ответил я. — Лишь бы ее не поймали заново...

СИЗЫЙ ГОЛУБЬ

Мой брат любил голубей. Он выпускал их в голубое небо и лежал на крыше, взглядом провожая их в полет. Голуби, налетавшись, возвращались домой, а он, увидев, что они садились на крышу, спускался вниз.

Он хотел сделать их почтовыми, но к девушке Саодат, что училась в институте, письма носил я, мама не знала об этом.

Голуби были очень красивыми, к тому же и имена были у них звучные: мохнатый, лохматый, чубатый...

Мама не пускала меня на крышу:

— Хватит дома и одного голубятника, вот женится брат — забудет про голубей, и тогда я избавлюсь от них.

Но мама знала, что я тоже любил голубей, и никогда не исполнила бы свою угрозу.

Как-то брат уехал на практику в стройотряд. Присматривать за голубями он доверил мне. Я насыпал им зерна, чистил чердак, менял воду. Голуби были такие красивые, а перья — гладкие, как шелк. Только мама боялась, что я свалюсь с крыши.

— Вот и мы с твоим отцом стали заядлыми голубятниками, только и знаем, что смотрим в небо, — смеялась она.

Был среди голубей один «удды» чубатый. Он, наверное, был главный над всеми голубями. Когда он взлетал, то начинал кувыркаться, играть или, как говорят голубятники, «вбивать столб». Он уводил с собой стаю высоко в небо. Птицы превращались в еле заметные точки. Голуби совершали круги над родной голубятней. Затем «удды» возвращался, а вслед за ним на крышу садилась вся стая.

Однажды он долго летал, затем исчез. Через некоторое время он привел целую стаю «чужаков». Он кружился, воркуя. То опускаясь, то поднимаясь, «удды» словно пританцовывал, знакомил новых своих друзей с крышей. Те, чужие голуби, прижились и остались у нас. Как-то я заметил в одном из гнездышек пару яиц. Сказал об этом матери, но она, усмехнувшись, промолчала: обычно так она делала, когда бывала довольна.

Я думал, что смогу похвастаться перед братом. Но случилось так, что голуби забеспокоились и все разом взлетели. «Удды» долго не садился. Я приманивал его свистом, сыпал корм... Наши голуби покинули крышу и полетели за «чужаками». «Удды» вел себя странно: то летел за голубями, то возвращался, делал круги над нашей крышей, почти садился, но снова взмывал. И в конце концов он стремительно и красиво полетел за белой, как облачко, стаяй голубей...

И теперь, увидев в небе сизокрылого голубя, я думаю: «А не тот ли это «перебежчик»? Затем успокаиваю себя: «Где бы он ни был, он нашел свое счастье».

ПРО ЩЕГЛОВ

О том, что я очень люблю птиц и животных, знают не только у нас в доме, но и все ребята на улице.

У нас в доме можно найти и сову, и перепелку, и канареек, и рыбок в аквариуме. А в сарае, в конце двора, живут два кролика, черепаха и еж.

Есть у меня еще два певчих щегла. Однажды дверца их клетки осталась приоткрытой, и один из них улетел.

Всю ночь я не спал, думал про щегла. Утром я подошел к клетке, где остался второй щегол. Птица кидалась из одного угла клетки в другой, словно хотела вырваться на волю. Видно, она сильно переживала одиночество. Мне стало жаль щегла. Я наколот ему орехов, налил в баночку воды. Потом пошел умываться. На дворе стояла ранняя весна. Было еще прохладно. И тут на перилах веранды я увидел щегла, который улетел от меня вчера. Осторожно, чтобы не спугнуть его, я приоткрыл дверь в комнату.

Щегол вначале беспокойно смотрел по сторонам, а потом быстро влетел в комнату. Усевшись на клетку, беглец стал внимательно слушать, как поет его подруга. И тогда я подумал, что птицам наскучила жизнь в клетке. Возможно, будет лучше, если выпустить их на волю.

Я открыл дверцу клетки, оставил открытой дверь комнаты, а сам вышел во двор.

Умывшись, я вернулся в комнату и, к удивлению своему, увидел, как оба щегла сидят рядом в клетке и оживленно щебечут, будто что-то интересное рассказывают друг другу.

МОИ ПЕВЧИЕ ПТИЦЫ

Летом я выпустил всех своих певчих птиц из клеток. Остались только канарейки. Этим птиц привезли к нам с далекого острова Канар. К сожалению, той пищи, к которой они там привыкли, в наших местах нет. Поэтому канарейки на свободе не могут жить. Они могут погибнуть от голода, стать жертвой хищной птицы или мальчишек с рогатками.

У нас во дворе среди цветов и деревьев стоит летняя беседка. В ней развешены клетки с канарейками. Желтокрылые птицы поют, не умолкая. А когда кто-нибудь их потревожит, щебечут так сердито, как будто ругаются. Они, наверное, тоже братья, как и мы с Агзамом. Наша мама нас иногда упрекает: «Ваши птицы не отличаются от вас, постоянно ругаются, как вы!»

Они, действительно, во многом похожи на детей. Как и мы, они очень любят апельсины, дыни, арбузы, яблоки, виноград. Стоит мне нарезать яблоко и положить им в клетку, как они начинают драться, клевать друг друга. Но недолго, тут же мирятся.

Канарейки — удивительные птицы. Я всегда приношу им корм. И они, как только увидят меня, начинают громко щебетать, открывать клюв, взмахивать крыльями.

Я смотрю на них и думаю:

«Дорогие мои певчие птицы! Может быть, вы обижаетесь на меня, что я держу вас в клетке. Ах, если бы вы могли летать, как другие птицы и могли питаться на свободе, я бы обязательно выпустил вас на волю!»

ИЗ ДЕТСТВА

НА ОХОТЕ

В последнее время отец приходил домой усталым. Мама говорила, что у него много работы. А мне так хотелось прогуляться с ним в кино, в зоопарк или куда-нибудь за город!..

Но вот как-то в пятницу отец вернулся домой раньше обычного.

— Наконец-то у меня выпало два свободных дня, — улыбнулся он и, подняв меня, закружился по комнате.

Мама всегда была рада, когда у папы хорошее настроение. В доме стало шумно и весело. Я сел на плечи отца и скомандовал: «Чу, чу, мой конь!» — и отец вприпрыжку пронесся вокруг стола.

Через некоторое время мама сказала:

— А ну, мои дорогие, живо к столу! Будем ужинать.

— Вот и утвердили мой проект, — с радостью проговорил отец, разливая чай по пиалушкам.

— Я рада за тебя! — улыбнулась мама.

— Я тоже рад! Ура! — закричал я.

Отец наклонился ко мне и сообщил:

— Поскольку эта радость общая, завтра мы с тобой, Санджар, поедем на охоту! Может, и мама к нам присоединится?..

— Что вы! — замахала руками мама. — У меня слишком много дел, вы уж сами! К тому же вы так редко бываете вместе...

— Папа, а куда мы поедем на охоту? — любопытство прямо-таки распырало меня.

— На Сырдарью, — сказал мечтательно отец. — Звезды, тишина, простор... Это так здорово!

Я с волнением стал собирать свои удочки, а мама приготовила нам мясо, отварила яйца. Все это я сложил в сумку, а сверху положил еще огурцы и помидоры.

— Теперь этих продуктов вам хватит на целую неделю, — пошутила мама.

Вскоре отец приехал на «газике». Удочки, ружье и теплые вещи мы сложили в машину, попрощались и поехали.

Только к вечеру мы добрались до реки. Нас уже поджидал дядя Карим. Показав нам на шалаш из камыша, он сказал:

— Там есть всё: чайник, чашки, котелок и даже керосиновая лампа. Пока можете порыбачить, а я схожу за одеялами, — и ушел.

— Ну как, сынок, нравятся тебе эти места? — спросил отец.

Тишину нарушали крики чаек и плеск воды. Кое-где по воде были разбросаны песчаные островки, по которым так и хотелось припуститься вприпрыжку.

— Папа, это Сырдарья?

— Да, Санджар, — сказал отец. — Красивая, не правда ли?

— Очень, — кивнул я.

Мы прогуливались по берегу, оставляя следы на песке, которые тут же наполнялись водой.

Отец, как и я, молча восторгался простором, чистым воздухом, золотистыми плесами и всё сетовал:

— Надо бы, Санджар, тебя чаще брать с собой, да жаль не хватает времени...

— Папа, а когда мы будем охотиться? — спросил я.

— Завтра, сынок, завтра, — ответил отец. — А сегодня мы с тобой разведем костер, вскипятим чай, поужинаем.

Папа раскинул руки и озорно во весь голос закричал:

— Эхо! Ты где-е?

Вспугнутые птицы в тростниках стали подниматься, разлетаясь по сторонам.

А эхо запоздало ответило, словно передразнивая:

— Е, е, е!..

— Это и есть эхо, — улыбнулся отец.

С наступлением темноты меня стали кусать комары.

Но тут появился дядя Карим с одеялами и с каким-то пакетом, в котором оказался виноград.

— Брат, — обратился он к моему отцу. — Если вы не боитесь остаться одни, то я, пожалуй, пойду... Мне надо караулить виноградник!

— Что вы? — смеясь, ответил отец. — Чего бояться, ведь рядом — сын!

— Ну, тогда спокойной ночи! — сказал дядя Карим. — Завтра утром я к вам загляну. Если понадобится, то я буду находиться вон за теми холмами, — и он указал в сторону степи, откуда мы приехали.

Я хотел было подняться на цыпочки, но в темноте ничего не разглядел.

Комары кусали беспощадно.

— Папа, а вас комары кусают? — спросил я.

— О, да ты совсем опух от укусов, сынок, — вздохнул виновато отец, посветив фонариком. — Как же я не догадался сразу?.. Ну-ка, возьми вот это, — и он протянул мне баночку с мазью. — Помажь руки и лицо. Комары сразу отстанут.

Я сделал так, как сказал папа. И правда, комары перестали кусаться.

Потом отец возле шалаша, где дядя Карим предусмотрительно оставил вязанку дров, разжег костер. Повесил над ним чайник. Вскипятил чай.

— Давай поужинаем, сынок, — предложил он. — Ты, наверное, проголодался... Иди в шалаш.

Я взял фонарик. Шалаш, построенный из камыша, оказался внутри просторный, пол был застлан свежескошенной травой, здесь же находился маленький топчан, на нем лежал коврик.

— Сейчас я зажгу керосиновую лампу, — сказал отец, войдя следом за мной в шалаш. — Ты где-нибудь видел такую? Нет, конечно!

При тусклом свете мы пили чай, от которого приятно пахло дымком.

Вокруг стояла тишина... Необычная и таинственная. Только было слышно, как ветер шелестел камышами да где-то далеко-далеко лаяла собака. Меня внезапно охватил страх. Мне показалось, что кроме отца и меня

на всем свете никого больше нет... После ужина мне вдруг захотелось спать. Глаза сами собой стали закрываться.

— Вот засоня! — усмехнулся папа. — Давай лучше послушаем музыку, — и он включил транзисторный приемничек.

Послышалась музыка. Папа подпевал. А я, забыв про всякий страх, стал сладко засыпать.

...Я уплывал в этот незнакомый мне доселе прекрасный мир, где были река с золотистыми островками, шуршание песка, тростника, кваканье лягушек, лай собаки... И аромат травы... Так похожий на чай! Я, казалось, был частью этого мира...

Сколько мне удалось поспать, не знаю. Проснулся от странного звука.

— Тах-тара-рах! — прогремело где-то.

Светало... Отца в шалаше не было. На полу стоял закопченный чайник, а над камышовой крышей шуршал ветер. Я вышел и увидел отца, который сидел на берегу реки с удочкой.

— А, засоня, встал, — сказал отец, улыбаясь.

Тут я заметил рыб. Они барахтались в неглубокой песчаной запруде. Воды не хватало и рыбы широко открывали рты, глотая воздух, будто просили о помощи.

— Папа, а что вы будете с ними делать?

— Как что? — удивился отец. — Отвезем маме, жарить будем, сварим уху...

Они же живые, — мне почему-то стало жаль рыб. — Давайте лучше их отпустим.

— Вот чудак! Да я ведь их с таким трудом поймал, — ответил отец. Он встал с места. •

Тут в небе показалась стайка диких уток. Отец быстро поднял с земли ружье, с которым не расставался, прицелился и выстрелил. Послышался страшный грохот. От запаха пороха мне стало не по себе.

От стаи отделилась одна утка и, теряя перья, упала неподалеку в камыши.

— Иди принеси, Санджар! — обрадовался отец. — Вот это выстрел!

Я подбежал к камышам и увидел небольшую

уточку. Клюв у неё был блестящий, крылышки — атласные, глаза открыты. Она пыталась взлететь. Я поднял ее и почувствовал, как сильно бьётся сердце птицы. Вот-вот разорвется. Я подбросил ее вверх, чтобы утка улетела... Но она безжизненно упала в воду...

Вода окрасилась в розоватый цвет. На моей руке блеснула капелька крови. Голова закружилась. Я стал терять сознание. Когда очнулся, отец был рядом. Он смачивал мне холодной водой голову.

— Сынок, что ж ты так, — вздыхал отец. — Ну чего ты испугался? Или у тебя что-нибудь болит?

— Папа, я совершенно здоров, — прошептал я. — Только давайте уедем отсюда поскорее... Пусть птицы летают в небе, а рыбы плавают в воде...

Отец как-то виновато посмотрел на меня и начал торопливо складывать вещи...

ГРАНАТЫ

Война шла к концу. Неподалеку от нашего сада в школе расположился госпиталь. Моя старшая сестра работала там медсестрой. Все мы, соседская детвора, носили раненым фрукты, старались выполнять их поручения. Те, кто умел писать — писали письма. Только в операционные дни в госпиталь нас не пускали.

В тот год у нас в саду очень красиво цвел гранат. Цветы его и сами плоды красивы! Кусты росли вдоль арыка. К осени гранаты начали созревать и трескаться: были видны рубиново-красные ядра.

Однажды я заметила, что в саду стали пропадать гранаты, да к тому же еще и не созревшие. Мне захотелось поймать воришку и проучить его. Через несколько дней я увидела, как со стороны госпиталя к нам в сад забрался человек на костылях. Он долго-долго стоял... Видимо, что-то вспоминая. Потом сорвал с ветки гранат и стал его есть. Увидев, что «похитителем» оказался раненый солдат, я хотела было уйти. Мне почему-то стало жаль его. Но вдруг я заметила, как в глубине тенистого сада промелькнула еще одна тень. Это была моя сестра — Ранó. Она подошла к солдату и они о чем-то стали говорить, смеяться. Так я стала случайной свидетельницей встречи сестры и раненого. И лишь когда они пошли в сторону госпиталя, я вышла из-за кустов.

Вечером при тусклом свете фитиля мать что-то шила. Сестра сидела возле матери, перебирая что-то в руках. Рано казалась мне феей из сказки: большие черные глаза, иссиня-черные волосы и брови, белоснежное лицо, которое было чем-то озабочено... Глядя на сестру, я подумала: «Ранó очень красива!»

Было видно, сестра что-то хотела сказать ей, но

никак не решалась. Тогда я сделала вид, что засыпаю. Ранó, заметив это, тут же зашептала:

— Мама, мне надо что-то вам сказать.

Мама послушно кивнула головой, продолжая работу.

— Мама, я опять встретила с тем юношей, с которым вы мне не советовали встречаться. Но что делать, ведь я его люблю. Сердце мое хочет разорваться, словно гранат, — она показала расколотый надвое гранат.

Мама тут же, отложив работу в сторону, строго сказала:

— Опять старый разговор! Кто же он — тот человек, что так тебя очаровал?

— Мама, он меня очень любит, и я его... Он хочет увезти меня с собой...

У меня вмиг весь сон пропал. Открыв глаза, я громко выпалила:

— Мама, мама, это тот самый «похититель», который приходит к нам в сад и рвет гранаты! А теперь он хочет еще похитить и нашу Ранó...

По грустному взгляду сестры я поняла, что она не начала бы этот разговор с мамой, если бы знала, что я не сплю.

— Ах, ты тоже, оказывается, все знаешь! — улыбнувшись, сказала мама.

— Спи, — нежно глядя меня по голове, сказала она. — Как бы тебя тоже не украд такой же «похититель» граната.

Фитилек давно погас, а мама с сестрой еще долго о чем-то беседовали в темноте. Лишь к рассвету, о чем-то все же договорившись, они легли спать. Для меня тот ночной разговор был навеян словно какой-то сказкой. Прошло время, а чувство это сохранилось до сих пор.

На следующее утро пришел «похититель» граната и увез нашу нарядно одетую Ранó в ЗАГС. В то военное время не под силу было справить большую свадьбу. Дома у нас был небольшой вечер в честь такого события и все были довольны.

А этот высокий, кудрявый солдат — «похититель» стал нашим зятем. Он все-таки увез нашу Ранó в свой Туркменистан...

СТОЙКОСТЬ

Прошло уже много времени, как умерла моя бабушка. Но каждый раз входя в дом, я ищу ее, хочу о чем-то спросить. Но вопросы так и остаются при мне. Бабушка дожила до глубокой старости, увидела не только своих внуков, но и правнуков, хотя ее надежды так и не сбылись.

Мне горько и обидно за нее. В волосах ее не было ни одной черной пряди, а зубы выпали, когда ей не было еще и тридцати. Я помню ее живые, зеленовато-выцветшие глазки под редкими и тонкими бровями, птичий нос, маленький рот, морщинистое румяное личико. Люди, видя ее, не верили, что она прожила уже девяносто лет.

Бабушка никогда не говорила никому обидных слов. У нее был незлобивый, приятный характер. Даже нас, детей, она величала на «вы». Когда мы влетали в дверь, она вставала с места, ласково похлопывала по плечу, приговаривая: «Милые мои детки, не уставать вам».

Если приходили к нам гости или мои друзья, они непременно восхищались ею.

— Ах, какая у тебя симпатичная бабушка, — говорили обычно они. — И как деликатна в общении. А что она, мать матери или отца?

А я не знал, что и ответить. Ибо никогда не спрашивал, чья мама моя бабушка. Ведь она одинаково любила всех.

Если мама словом или поступком обижала отца, то бабушка тут же говорила:

— Доченька, не надо так делать, ведь он вернулся с работы усталый и соскучился по твоим ласковым словам. Ведь человек создан для радостей.

Если же отец позволял себе резкость в отношении

матери или нас, детей, то опять спешила на помощь бабушка.

— Сынок, голубчик, не надо понапрасну гневаться, и себе настроение портить, и другим, — говорила она.

Может, поэтому дома у нас всегда царила радостная, дружная атмосфера.

Подмести двор, испечь хлеб, устроить стирку бабушка и не считала за работу. От того ли, что у нее была бессонница или, может, по другой причине, но до утра она успевала перешить ватное одеяло, приготовить вкусную катламу или же лочиру. Однажды я спросил ее:

— Бабушка, когда же вы успеваете переделать столько работы? — А она ответила:

— Да ночью, сидела вот, беседовала со своими сыновьями, а между тем и дело делала, — улыбнулась бабушка.

Я недоумевал, про кого это она говорит? Или братья мои ночью бодрствовали? Иногда они так увлекаются игрой в шахматы, что сидят за доской до рассвета. На всякий случай я спросил:

— Ну и наигрались, наверное, они в шахматы. А кто же проиграл?

— Про кого вы спрашиваете? — спросила бабушка.

— Да вы же сами сказали: «Беседовала со своими сыновьями!»

— Ах, детка, — сказала она. — Я говорю про твоего дядю, брата твоей матери.

К нам часто приходили тетки, дяди по отцу, но дяди по матери у меня не было. Видя мое удивление, бабушка объяснила мне что к чему.

— Конечно, детка, ты не видел их, поэтому ничего не знаешь, — ответила она. — У тебя были дяди по матери, молодцы, подобные Рустаму... Они не вернулись с войны.

Голос бабушки задрожал. «Уж не плачет ли!» — подумал я и взглянул на нее. Нет, в глазах ее не было слез, но что-то все-таки поблескивало.

Однажды пришли к нам тетушки. Разговор снова зашел о моих дядях. Тетушки всплакнули. Но бабушкины глаза были сухими.

— Не плачьте, — успокаивала их она, — я знаю,

они вернутся. Ведь мне лишь бы увидеть их, а там и умирать не страшно.

Все удивлялись стойкости и терпению бабушки. Была поздняя осень. Кровяное давление у бабушки резко подскочило. Приехавший по вызову врач рекомендовал пиявки, сделал уколы, а затем спросил:

— Тетушка, о чем вы думаете по ночам, все бодрствуете и бодрствуете? У вас гипертония. Нельзя тревожиться, много думать.

— Как же не думать, сынок, я уже одряхла, состарилась, а два моих сына — пехлевана, моя радость и опора, вдали от меня, не рядом со мной. Вот старая тюбетейка одного и платочек другого, — бабушка достала из-под подушки тюбетейку и платочек, поднесла к своему лицу. — Запах моих детей. Как же неприхотлив человек, свыкается и выносит такие тягости?

В этот день я услышал, как мама говорила с папой.

— Надо было нам сразу сказать ей о похоронках, не скрывать. Мать все еще ждет Джурахана и Турахана. Сегодня ей стало хуже. Будьте дома.

Мне тоже расхотелось идти в школу. Бабушка лежала и все глядела на дверь. Часов в одиннадцать она сказала матери:

— Доченька, скажи моим деткам, что я больше не могу ждать, сердце не выдерживает.

Взор ее помутнел, она взглянула в мою сторону и зашептала:

— Джурахан, ты пришел, моя кровинушка, я знала, что ты придешь, но ты так долго заставил мать ждать себя.

Это были последние слова бабушки.

Бедная бабушка, она ждала до последнего своего дыхания и тосковала по детям. Она унесла с собой тягость боли, причиненную войной.

СОН РУСТАМА

Стояло знойное лето. Озеро спасало ребят от жары. Видимо, непрерывное купание разморило Аскара, и он, глядя на Рустама, сказал, вылезая на берег: — Немного отдохну.

Лег на спину, подложив под голову одежду, снятую с дерева. Рядом с ним растянулся Рустам. Примолкли. Взглянув на дерево, Рустам сказал:

— Сколько же лет прошло с тех пор, как посадили эту чинару, погляди, какой толстый ствол.

— Мой отец говорил, что ствол этой чинары пять человек с трудом обхватывают. Уж больше тысячи лет прошло с тех пор, как посадили ее. В то время она росла на самом берегу озера, видишь, эти корни отполировала вода, они совсем голые.

— А куда же подевалась вода из озера? — удивленно спросил Рустам.

— Наверное, испарилась.

— Если оно было еще больше, значит, оно было, как море. Хотя и сейчас оно такое, что, кажется, сливается с небом.

— До чего же оно красиво, посмотри, Рустам! Как оно переливается!

Ребята лежали на высоком берегу, озеро с одной стороны сливалось с горизонтом, и было не понять, где озеро, а где небосклон.

Чинара оберегала ребят от беспощадных солнечных лучей, щедро раскинув густую тень. Крона дерева была настолько густой, что сквозь нее не мог пробиться луч солнца, величиной даже с монету...

Рустам дремал, Аскар слегка толкнул его:

— Вставай, окунемся разок.

Вздвогнув и повернувшись на другой бок, Рустам

по-прежнему дремал, похоже, что сон одолел Рустама.

Аскар с разбега кинулся в воду. И пока Аскар плывал, Рустам увидел удивительный сон.

Будто бы плывут они вместе. И вдруг вдалеке, среди волн, что-то блеснуло.

«Рыба, наверное», — подумал Рустам.

Но в тот же миг услышал, как не своим голосом кричал Аскар.

— Плыви скорей! — и сам быстро поплыл к берегу.

Рустам тоже поплыл быстрее, но все же посмотрел назад и недалеко от себя увидел вдруг появившееся ужасное животное. Голова была похожа на черепашую, глаза — красные, а туловище напоминало дракона. Каждая чешуйка была размером с большое блюдо. Чудовище было до того большое, что в длину почти покрывало все озеро. Из огненной пасти страшилища распространялось зловоние.

Рустам, увидев это страшилище, чуть не потерял сознание от страха. Однако крик друга привел его в чувство. Чудовище приближалось к ним. И вдруг оно заревело и с силой стало втягивать в себя воду. Аскар вместе с водой попал в пасть ужасного существа. Наблюдавший за всем происходящим Рустам с криком «помогите!» изо всех сил поплыл к берегу. Ужасное страшилище теперь хотело напасть на Рустама. Его скользкое тело сияло на солнце, чешуя скрежетала, как железо. Рустам, не помня себя, выскочил на берег. И несмотря на то, что был совершенно голым, он с воплями со всех ног бросился в кишлак.

Находясь наполовину в воде, чудовище выставило несколько морщинистых лап на берег. По суше оно, наверное, передвигаться не могло. Заметив, что Рустам удаляется, чудовище так заревело, что из пасти повалил и дым, и пламя, даже чинара задрожала от его рева.

В ту же минуту у Рустама мелькнула мысль, что здесь недавно было построено управление рыбаков. Он побежал в ту сторону. Бросившись к первому попавшемуся на пути человеку, он крикнул:

— Там дракон! Аскара проглотил дракон, освободите Аскара! — крик его перешел в рыдание.

— Спятил ты, что ли, — удивился незнакомец, — что здесь делать дракону!

— Нет, я правду говорю, освободите моего друга. Бегите, возможно, эта тварь еще на берегу. Она меня чуть не проглотила, — задыхаясь от слез, хриплым голосом доказывал он.

Когда люди прибежали к озеру, там уже никого не было. Волны тихо набегали на песчаный берег. Заметив это, Рустам зарыдал еще громче:

— Аскар, дружочек ты мой, что я буду без тебя делать.

Рыбаки на двух больших лодках доплыли до середины озера. Несколько раз забрасывали сеть. Однако же, кроме мелкой рыбешки, ничего не поймали.

Потом решили спуститься на дно озера.

Аквалангисты с кислородными баллонами нырнули под воду. Рустам же, трепеща от страха, спрятался за чинару, дабы не увидеть вновь страшное существо. Спустя немного времени, аквалангисты показались на поверхности воды. Подойдя к рыбакам, Рустам с нетерпением стал прислушиваться.

— Да, — сказали они, — на дне озера в самом деле лежит неподвижно незнакомое существо, похожее на огромную рыбу.

— Ребенка не видно?

— Нет.

— Что же делать?

— Это существо надо поймать и вытащить наверх.

— Но каким образом?

— Надо подумать как. А что, если использовать железные сети с большого судна?

Рыбаки быстро взялись за дело. В один миг железная сеть была готова. Ее бросили в озеро. И она с шумом и скрежетом опустилась на дно. Вслед за ней в воду опустилось четверо водолазов в скафандрах.

Через продолжительное время один из водолазов, всплыв на поверхность озера, показал знак рукой: «Тяните сеть».

Когда потянули сеть, озеро покрылось громадными волнами. Чем сильнее тянули сеть, тем больше судно

кренилось на один бок. Пришлось бросить якорь. Вдруг на поверхности озера показалось красное пятно. Вслед за этим появился водолаз. Его быстро подняли на судно. Когда с большим трудом сняли с него скафандр, то увидели, что руки и живот его были в крови. Вокруг него захлопотали врачи.

Когда при помощи кранов вытащили сеть полностью, то в ней было чудовище. Оно так заревело, что все люди вокруг содрогнулись.

А тело его было в ярких бликах, блестело, и не просто блестело, а как будто горело ярким пламенем. Всем стало не по себе. Рустам во весь голос крикнул:

— Этот дракон проглотил Аскара!

Услышав его слова, люди вздрогнули. Прилетел вызванный радиограммой вертолет и приземлился недалеко от чинары. Из вертолета вышла группа ученых. Ученые, хотя и были специалистами по древним животным мира, но о таком страшном, безобразном существе они никогда даже не слышали. Теперь и ученые в нерешительности стояли на берегу озера. Затем на лодке они подплыли к судну и стали осматривать чудовище. «Не убив, нельзя конкретно изучить его», — к такому заключению пришли они.

Электрическим топором вспороли живот, в желудке что-то зашевелилось, все замерли. Из него вместе со всяким оружием, кольчугами, щитами и прочим железом, выпала какая-то вещь. Все удивленно стали рассматривать ее. Вдруг этот, перемазанный в иле сверток, зашевелился и поднялся, это был Аскар. Но стоило ему увидеть рядом с собой распластавшееся чудовище, как он побежал от страха, не оборачиваясь. Рустам, наблюдавший за происходящим, радостно закричал.

— Аскар, дорогой друг!

Ученые заключили, что существо это, вероятно, принадлежало к периоду, предшествовавшему периоду оледенения. Может быть, это разновидность ихтиозавров или динозавров. Но как оно дожило до наших дней, непонятно даже ученым...

На этом месте сон Рустама оборвался.

Аскар разбудил его.

Вид у Рустама был странный.

— Что случилось? — наклонившись к нему, спросил Аскар, — заболел ты, что ли? Рустам?

— Нет, — протирая глаза, ответил Рустам, — вай, хорошо, что ты разбудил меня. Мне такое привиделось, — и он начал было рассказывать свой чудной сон, преданно глядя на друга.

А затем, соскочив со своего места, Рустам крепко обнял удивленного и ничего не понимающего Аскара.

КУКЛА

Война закончилась. Во всех домах царило радостное настроение, начались свадьбы, празднества. Даже мы, дети, вздохнули легче, словно сбросили с себя непосильный груз. Но как бы тяжело в войну ни было, духом мы не падали. В то время, когда наши отцы бились с врагами на полях сражений, мы тоже не оставались в стороне. Съев кусок кукурузной лепешки с чашкой пивья¹, мы целый день бегали по улице, сражаясь деревянными саблями и винтовками против воображаемых врагов. Это было самое любимое наше занятие. Теперь, когда окончилась война, изменились и наши игры.

Мы вспомнили о наших куклах, о которых на всю долгую войну забыли. Теперь из разноцветных шелковых ниток мы делали много красивых кукол. Делать их было очень трудно. Подсобным материалом служили палочки.

Однажды утром Манзура зашла к нам домой.

— Саодат, — позвала она, — пойдем играть.

Моя мама пригласила ее в комнату:

— Заходи, Манзура. Попейте чаю, затем будете играть.

Манзура не заставила упрашивать себя и села за хантахту — низенький обеденный столик. Мы попили вместе чаю. И только мы собрались выбежать на улицу, как нас окликнула мама.

— Эй, послушайте, доченьки, а не посторожите ли вы недолго дом, а? Я хочу сходить к тетушке.

Мне нравилось сторожить дом. Я взглянула вопросительно на Манзуру, она с радостью ответила: «Конечно, посторожим».

Мать ушла. Закрыв калитку на запор, мы стали

¹ Пивья — суп без мяса, заправленный жареным луком.

играть. У куклы Манзуры было много приданого. Мать ее работала в артели, иногда приносила обрезки материи кукле на платье. Манзура хвасталась:

— У меня богатая кукла!

Меня это задевало. Я всегда думала, что мне сделать, чтобы и моя кукла стала богатой. И, думая об этом, я решила воспользоваться отсутствием матери, чтобы сделать свою куклу богаче.

— Манзура, — сказала я, — давай откроем сундук.

— Зачем?

— Сделаем приданое для моей куклы. В сундуке много хороших вещей.

— Давай, — согласилась Манзура.

— Только, — попросила я, — помоги убрать стопку одеял с сундука, а то я одна не справлюсь.

— Хорошо.

Вместе с Манзурой мы с трудом свалили одеяла. Я знала, где лежит ключ. Взяв его из потайного места, отомкнула замок. Сундук раскрылся с лязгом и звоном. Там лежали платья матери «на выход», одежда отца. Я стала перекладывать вещи в сундуке. Тут мне попался на глаза платок, который еще до войны матери подарил отец. Это был очень красивый платок, сверкающий яркими узорами. На нем были нарисованы цветы и плоды миндаля. Платок понравился мне с первого взгляда. Я решила использовать его для наряда моей куклы.

— Посмотри-ка, — подозвала я Манзуру, доставая платок из сундука, — правда, прелесть?

— Да, — подтвердила Манзура. — Знаешь, на сколько приданных его хватит? На десять.

— И вправду, — обрадовалась я. — Теперь моя кукла будет богаче всех.

— Послушай-ка, — заговорила тут Манзура. — У куклы Якут тоже мало приданого. Может быть, ты одолжишь ей? Она бы так обрадовалась. С тех пор, как пришло «черное письмо»¹ на отца, она как в воду опущенная.

— Конечно, дам, — отвечала я, — иди крикни ее через дувал.

¹ Черное письмо — похоронка.

Якут — наша соседка. Наши дворы разделяет лишь маленькая глинобитная стенка. Пока Манзура ходила звать Якут, я, позабыв даже закрыть сундук, начала кроить из платка приданое своей кукле.

Пришла Якут. Мы вместе с ней продолжили кроить из платка.

Красивый платок превратился в лоскут. Все узоры «миндаля» были изрезаны.

И тут заявила мама. Она вошла в комнату, увидела открытый сундук и удивленно остановилась.

— Кто открыл сундук?

— Я.

— Зачем?

— Хотела взять что-нибудь на приданое для моей куклы.

Мама почему-то испугалась.

— Взяла?

— Да, — ответила я и показала давно уже готовые платочки и платья для куклы.

Она еле признала в этих лоскутках свой платок. И сразу схватилась за голову.

— Горе мне, — воскликнула мама, — это же подарок твоего отца. Что ты наделала? — проговорила она огорченно.

Что же я наделала? Этого понять не могла я сама. Непонятно мне было, что мама так расстроилась из-за одного платка. Я молчала, не знала, что сказать. Якут и Манзура незаметно исчезли, давно их и след простыл, а мы — мама и дочь — стояли, уставившись друг на друга. В это время снаружи слышался шум. Это вбежали к нам во двор соседки.

— Эй, Саломатхан, где вы, Ахмаджан идет!

Мама метнулась к дверям.

— Пойдем, отец возвратился, отец!

Мы выбежали на улицу и встретили отца на гузаре¹. Он шел, опираясь на костыли. Я подбежала к нему и бросилась на шею.

Мой проступок, из-за чего огорчилась мама и за который я должна была нести наказание, был забыт. У нас была огромная радость — вернулся с войны отец.

¹ Гуз ар — оживленное место на дорогах.

РОБОТ МОЕЙ МЕЧТЫ

Почти каждый старшеклассник в нашей школе имел своего робота. Мечтал о нем и я. С первого класса начал собирать разные детали, а когда подрос, я получил разрешение преподавателя по труду делать в школьной мастерской необходимые заготовки.

Учитель, горячо заинтересованный в моей работе, помогал мне готовить различные рычаги, крепления, приносил много нужных болтиков, гаек, шурупов. Было приятно, когда он хвалил меня за тягу к технике.

Но у меня была особая тайна, в которую я не посвящал никого — хотел собрать своими руками такого робота, который стал бы моим помощником, единомышленником, братом.

Почему я так хотел робота? Да потому, что у меня не было ни братьев, ни сестер. А если бы у меня появился такой робот, я говорил бы, как мои друзья:

«Я сказал братишке, сейчас он принесет мою тетрадь», — а сам шепнул бы роботу приказание, и он выполнил бы его.

Пригодились для дела механизм вот уже несколько лет не идущих маминых часов и очень важная деталь от старой папиной счетной машинки.

Я хотел сделать робота моей мечты маленьким, чтобы он вмещался в мой школьный ранец. Большой будет скрипеть и лязгать при ходьбе. А мама у меня не выносила шума, у нее, как она часто утверждала, «испорчены» нервы. Вот я и опасался: если даже голос моего робота будет неприятным, его постигнет участь всех предшественников и моих самодельных самоходных механизмов...

Итак, я потихоньку готовился. Была на очереди у меня — починка полупроводникового радиопере-

датчика из «Конструктора», а также замена цилиндра в самодельной электробритве отца. Замена мне сразу удалась — вместо цилиндра я поставил механизм моего игрушечного электрокатера — и бритва заработала лучше прежнего. Думаете, обманываю? Разве можно! Я даже испытал ее на нашем Каплане — шерсти на загривке собаки как не бывало... Только бы отец не заметил...

Единственная преграда на моем пути к осуществлению мечты — мама: она то и дело отвлекала, заставляя выполнять разную работу по дому: «Убери свою комнату, не разбрасывай где попало свои железки, не забудь выключить паяльник»... Она вообще ничего не понимала в технике и потому всегда нервничала.

Уходя на работу, она поручала мне уйму дел, давала массу распоряжений: «Не трогай электроприборы»; «Не пытайся извлечь из воды электрический ток»; «Не таскай из «мусорки» разный железный хлам»; «Не трогай сушитель волос»; «Не гипнотизируй Каплана»... — дальше я уже не слышал.

Ну, скажите мне, что худого в том, что мне хотелось обрадовать уставшую после работы мать? Я убирал в комнатах, сушил одежду, в которой свалился в арык, готовил еду.

Конечно, всякое случалось, сушитель прожег слегка рукав моей рубашки, но если стоять боком, это не очень-то заметно. Пицца в электрической кастрюле, которую я сделал сам, слегка подгорела и чуть-чуть отдавала ржавчиной — только и всего. Беда небольшая — Каплан ведь ел и не давился, а мама почему-то расплакалась.

Я жил надеждой, что мои дела все же наладятся. Только никто меня почему-то в нашем доме не понимал. Правда, иногда отец смотрел на меня удивленно, а когда мама произносила свою сакраментальную фразу: «Сынок — точно Ваша копия», — он возмущался: «Нет, я в этом возрасте еще таким не был», — и, вспыхив, заканчивал: «Пожалуйста, оставь ребенка в покое!»

В такие моменты мать очень нервничала. У меня возникала мысль — не применить ли новый метод

гипноза, но я боялся — вдруг ей еще хуже станет, и я оставлял ее в покое.

Непрестанно ломал голову: что сделать, чтобы скорее завершить работу над маленьким говорящим, понимающим и помогающим мне роботом? Я уже истосковался по нему... Часто во сне видел свою мечту, беседовал с ним вслух. В такие моменты в комнату входили мать или отец и будили меня:

— Лежи спокойно, не болтай!..

После этого я долго не мог уснуть, иногда думал до утра...

Каким я представлял своего робота? Во время урока он незаметно помогал бы мне, и тогда учитель не стал бы говорить: «Гайрат, почему ты не приготовил уроки? У тебя нет, Гайрат, старания»... Он сказал бы: «Ты, Гайрат, старательный, молодец!»

Если говорить честно, я не любил, когда мама уезжала в командировку: дом наш сразу становился запущенным, пища — невкусной, посуда — невытой. Я очень скучал и порой даже хотелось всплакнуть.

Но на сей раз, когда я узнал, что мама улетает в Нукус, обрадовался. Очень уж мне хотелось приготовить ей сюрприз — закончить своего робота.

Отец был доволен тем, что не буду докучать разными вопросами, мечтал спокойно смотреть телевизор или наслаждаться книгой.

Так и вышло. Три дня — и после школы, и вечером, я мастерил с особым увлечением, забравшись в подвал, где отец разместил свою мастерскую. И вот, наконец, появился робот, о котором я мечтал и бредил по ночам!

Не стану утверждать, что он был очень красив: маленькие лампочки — глаза, зияющий рот, руки — клещи, ноги — нечто вроде треугольников, и все же, даже такой он был мне дорог.

Говорил и двигался робот по программе.

«Как же мне назвать его? — думал я. — Имя должно быть коротким и красивым. Ладно, назову его Мурадом — желанной целью, ведь я достиг желанного! Итак, Мурад Гайратович? Нет, пусть будет короче: «Му».

Теперь «Му» — мой помощник, он должен пройти испытания.

Мама была в отъезде, и дома, конечно, было грязно, пыльно, накопилось много немытой посуды. Папа с головой ушел в чтение и ничего не замечал.

Чтобы испытать «Му», я дал ему программу: «Уборка дома».

Он убрал дом, вымыл посуду, разбитая не в счет — все удачно.

Я водил его в школу — мы присматривались друг к другу. А когда он оставался дома, по программе чистил и убирал комнаты, пытался готовить пищу, правда, пересаливал, но ничего. Я надеялся, что он еще научится...

Количество посуды в доме катастрофически уменьшалось — оказалось, все, что трудно отмыть, он выбрасывал в мусоропровод, наверное, у меня научился. Это выяснилось, когда ликвидировали «пробку» в мусоропроводе. Я полагал, что нужно будет создать программу для повышения квалификации робота.

Однажды я дал ему книгу, в которой напечатаны все рационализаторские предложения отца. Пока я был в школе, он выучил ее от корки до корки, и когда я возвратился домой, рассказал мне все, что прочел.

Память у него — феноменальная. Правда, понимал его речь только я.

С появлением робота мне стало легче: когда я играл в футбол, он писал. Правда, почерк его не отличался от моего, никто не мог прочитать написанное им. Потому что он принял мой почерк за образец. Я смотрел и думал: очень уж старательным и деятельным оказался мой «Му».

Видно, он решил восполнить пробел в своих знаниях — конспектировал книги из кабинета отца. Правда, был в этом его самообразовании изъян — всегда отвечал невпопад.

В день возвращения мамы из командировки мы провели с ним генеральную уборку. Когда мама вошла в дом, чистый и убранный, она сначала растерялась, потом обрадовалась и даже прослезилась.

— Никогда, — сказала она, — не было так чисто в доме, когда я возвращалась из командировок. Ты, — продолжала она, обращаясь ко мне, — повзрослел и стал умницей.

Мы все были рады. Поэтому я не сказал матери, что уборку мы делали вместе с роботом: не хотел портить ее настроения.

Я занес робота в свою комнату и спрятал его под подушку. «Завтра скажу маме, что создал, наконец, «Му», который помогает мне, как брат».

Поужинав, я дал электророботу «Му» — мол, иду спать в свою комнату. Потом спросил его о домашнем задании — выучил ли наизусть стихотворение Пушкина. Робот тут же почему-то выдал мне рецепт чахохбилей: он очень сообразителен, но несколько рассеян. Пришлось вскрыть его «мозг» и отрегулировать, включить кнопку «Сказка». Затем я лег спать.

Мама услышала ночью подозрительный разговор в моей комнате, и, решив, что я брежу, направилась ко мне. Она хотела уложить меня лучше, прикрыть дверь, чтобы не было сквозняка. И в этот миг робот стал читать стихотворение: «Не тревожьте его, пусть отдохнет...»

Бедная мама! Она ведь ничего не знала о существовании моего «Му». Она очень испугалась, схватила полотенце, завернула в него мою мечту и выбросила в окно. «Му» полетел с седьмого этажа, стукнулся об асфальт и взорвался...

Я проснулся от крика и шума и сразу понял, что тут что-то неладное.

Мама лежала без сознания возле моей кровати, отец брызгал ее лицо холодной водой. На улице стоял гвалт, приехала милиция.

Наконец, мама пришла в себя.

— В дом забралась нечистая сила, я видела, как она уселась на тебя и что-то бормотала, а голос был у нее, ну, словно металл терся о металл, — слабым голосом произнесла она.

— Где эта сила? — воскликнул я, догадавшись, что речь идет о моем «Му».

Мама показала на окно.

— О, мой бедный «Му», мой рассеянный робот, — запричитал я и выглянул в окно. Толпа уже разошлась. Дворник подмел остатки моего «Му» и выбросил в мусорный ящик. Я сказал сквозь слезы:

— Мама, «нечистая сила», которую ты выбросила в окно, — мой робот. Он был таким умным, он был для меня родным братом...

Тут уж я не выдержал и зарыдал во весь голос.

Мама ничего не могла понять, и я, захлебываясь слезами, рассказал ей обо всем. Папа гладил меня по голове и успокаивал:

— Не огорчайся, Гайрат, мы вместе с тобой сделаем нового робота. Он будет еще лучше. Пусть кто-нибудь попробует нам помешать, — и он строго посмотрел на маму.

А мама сказала страдальческим голосом:

— Я же говорила, что сын похож на вас, — она повязала голову платком и направилась в спальню.

А словам отца я верю: уж если он пообещает, обязательно выполнит. Только вот, как быть с нервами мамы?

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

Как хорошо весной! Изумрудная зелень прекрасных садов, посреди сочной травы — подснежники, одуванчики. В полях маки пламенеют, как горящие угольки. Аромат рано зацветших деревьев, смешавшись с душистым запахом земли, перехватывает дыхание, переполняет сердце восторгом. Хочется быть в садах, полях, лугах...

Вот в такие славные, весенние деньки ничто не может сравниться с запуском бумажного змея!..

Мой старший брат в прошлом году смастерил уйму всяких бумажных змей, а запускать их мне не давал. Он всякий раз приговаривал, что я обязательно свалюсь с крыши. Я очень огорчился. У него и камышинки, и папиросная бумага были. А у меня ничего не было.

Но теперь мы с моим другом Каримом сами решили смастерить змея. Понятно, почему я никак не дождусь весны. Хорошо, что каникулы уже не за горами.

Каждый день, уходя в школу, я спрашивал маму:

— Когда наступит весна?

— Потерпи немного. Внимательно присматривайся ко всему, что окружает тебя, и увидишь, как придет весна, — улыбнувшись, отвечала мама.

Когда я шел в школу или возвращался домой, все время наблюдал за деревьями, птицами, облаками.

Но снега еще много, кругом бело...

Вчера выглянуло солнце, все обрадовались. Начал таять снег, заструилась вода в маленьких арыках. Кажется, наступала весна. Вскоре начались весенние школьные каникулы.

Мы с Каримом начали мастерить бумажного змея: крест-накрест наклеили камышинки на бумагу. Из разноцветных бумажных ленточек приделали хвост —

балансир. Карим раздобыл краску, кисточку и разрисовал нашего змея в виде космической ракеты:

— Ну, как?

— Это не змей, а настоящая ракета «Восток-1».

Я восхищался его умением рисовать. Ракета наша была готова. Под космодром мы определили площадку в начале той улицы, где жил Карим. На наше счастье дул легкий ветерок. Договорились, что Карим будет запускать змея, а я буду держать его на расстоянии.

— Приготовиться к старту! — скомандовал Карим.

Он дернул за нить, «Восток-1» с шумом взмыл вверх, поднимаясь над крышами, над тополями все выше и выше. И какая же радость захлестнула и переполнила нас! Мы не сводили глаз с нашего змея, высоко парившего в голубом небе.

И кто знает, в будущем, когда-нибудь, построив ракету, поднимемся в космос, но будем ли мы так же радоваться, как и сейчас?..

СОДЕРЖАНИЕ

ДРУЗЬЯ МОИ, ПТИЦЫ

Хитрые вороны. <i>Перевод Т. Алимовой</i>	5
Горлица. <i>Перевод Т. Алимовой</i>	5
Сыч. <i>Перевод Т. Алимовой</i>	7
Большая перепелка. <i>Перевод Т. Алимовой</i>	10
Сизый голубь. <i>Перевод М. Турсунова</i>	11
Про щеглов. <i>Перевод Т. Алимовой</i>	12
Мои певчие птицы. <i>Перевод Т. Алимовой</i>	14

ИЗ ДЕТСТВА

На охоте. <i>Перевод Н. Красильникова, Г. Хайдаровой</i>	16
Гранаты. <i>Перевод Г. Хайдаровой</i>	21
Стойкость. <i>Перевод М. Турсунова</i>	23
Сон Рустама. <i>Перевод Р. Абдураимовой</i>	26
Кукла. <i>Перевод М. Турсунова</i>	31
Робот моей мечты. <i>Перевод М. Турсунова</i>	35
Бумажный змей. <i>Перевод Р. Абдураимовой</i>	41

Для детей младшего школьного возраста

ОЛМОС АХМЕДОВА

СОН РУСТАМА

Рассказы

Перевод с узбекского

Рецензент *Н. Красильников*

Редактор *С. Ларченко*

Художник *О. Баклыкова*

Художественный редактор *М. Карпузас*

Технический редактор *М. Мирраджабов*

Корректор *Э. Байгильдина*

ИБ 3014

Сдано в набор 10.01.86. Подписано в печать 08.08.86.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Школьная гарни-
тура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 3,0. Усл. кр.-оттис-
ков 6,0. Уч.-изд. л. 2,01. Тираж 100000. Заказ № 3218.
Цена 10 к. Договор 250—85.

Издательство литературы и искусства имени Гафура
Гуляма, 700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
типографии Издательства ЦК Компартии Узбекистана.
Ташкент, ул. Ленина, 41.

Ахмедова, Олмос.

**Сон Рустама. Рассказы. Пер. с узб.
Для детей мл. школьного возраста. — Т.:
Изд-во лит. и искусства, 1986. — 48 с.**

В рассказах Олмос затронуты такие важные проблемы, как бережное отношение к природе, взаимоотношения детей и взрослых. В сборник также включены рассказы-воспоминания, связанные с войной.

Книга учит детей любить природу, ценить прекрасное, беречь и охранять мир.

Уз 2

**Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
готовит к выпуску в 1986 году**

Куддус Мухаммади

Маленькое солнце

Стихи

Т. Адашбаев

Подарок

Стихи

С. Файзиева

Травинка

Рассказы

В. Большчев

Мой дед — герой

Рассказы